

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

КОГДА года три назад стало известно, что во Владивостоке ставят пьесу В. Киршона «Хлеб», это вызвало удивление. Пьеса написана давным-давно и, казалось бы, представляет только историко-литературный интерес. Но театр верил в то, что конфликты драмы, жизнь ее героев не оставят зрителей наших дней равнодушными, и, как выяснилось, не ошибся.

И вот теперь на афишах Владивостокского краевого драматического театра имени М. Горького появилась новая пьеса Киршона, популярного драматурга конца двадцатых — начала тридцатых годов, — «Рельсы гудят». Она была написана сорок один год назад. Конечно, многое сейчас в пьесе выглядит наивным. Иные образы решены одной-двумя красками, не слишком глубоко проникает порой автор в сложный мир человеческих чувств. Кстати, эти слабости пьесы отмечались критикой и в дни ее появления. Но почему же возникает такое волнение в зрительном зале, почему спектакль владивостокцев, показанный в эти дни в Москве, находит такой отклик в наших сердцах?

В спектакле, поставленном Н. Басиным с большой романтической приподнятостью, убедительно передана атмосфера кануна первых па-

тилетов, жизнь рабочего коллектива со всеми ее горестями и радостями. Режиссер старается расширить тематику пьесы, обогащает ее стилистику. Это как бы спектакль-песня во славу человека труда. Поэтому органичным оказалось присутствие на сцене оркестра, который стал своеобразным коллективным действующим лицом, эмоциональным выразителем режиссерского замысла. Этот прием продиктован стремлением протянуть нити от времени, когда действовали герои пьесы, к нашим дням.

Несомненные зрительские симпатии к спектаклю «Рельсы гудят» (несмотря на многие несовершенства драматургического материала) лишний раз убеждают, как нам нужны новые сценические произведения о рабочем классе, о рабочей семье, какой здесь необозримый простор для поисков драматургов, мастеров театра. И можно только пожалеть, что новой пьесы на такую тему не оказалось на афише тех же владивостокцев.

Смелость театра в выборе репертуара проявилась и в обращении к первой части дилогии Алексея Толстого «Иван Грозный» — «Орел и Орлица».

Владивостокский театр как бы выявил скрытый художественный потенциал произведе-

ния Алексея Толстого, для которого характерны сочность языковых характеристик, яростный накал страстей, непримиримость столкновений действующих лиц. «Орел и Орлица» — это поистине трагедийное представление. Режиссерские находки в спектакле радуют смелостью и изобретательностью. Постановщик нашел верного союзника в лице художника Б. Локтина, умело использовавшего все пространство сцены, дав возможность для построения многих талантиливо найденных мизансцен и в глубину и по вертикали. В оформлении есть счастливое сочетание пластической изобразительности и яркости цветовых решений, то гармонирующих, то резко контрастирующих между собой.

Нельзя не пожалеть, что такая серьезная труппа не показала нам спектакля, который бы столь же убедительно ставил крупные проблемы дня внешнего. В спектаклях «Больше не уходи» В. Тура, «Другая» С. Алешина, «Я отвечаю за все» по Ю. Герману, безусловно, есть приметы наших дней. Они поставлены профессионально, добросовестно, есть здесь несомненные актерские удачи, но вот своей, выстраданной темы, своего понимания времени и места художника в них в нужной мере не ощущаешь.

Надо сказать и о том, что на афише театра неприметно представлена русская и зарубежная классика. Весьма огорчительно, например, что сценическая версия горьковской повести «Дело Артамоновых» оказалась попросту слабой. Даже не верится, что на одной и той же сцене могут соседствовать спектакли столь различного художественного уровня. Многих актеров просто и не узнать, так ограничиваются они здесь самыми приблизительными, самыми общими решениями.

Весело, озорно решил комедию А. Софронова «Судьба-индейка» один из ведущих актеров театра — А. Присяжнюк. Любопытно, что в этом спектакле тоже есть оркестр и даже появилось новое действующее лицо — Дирижер. Он исполняет функции этакое сценического балагура, весельчака, помогающего нам завязать потеснее контакт с действующими лицами, над которыми он то добродушно посмеивается, то сокрушается по поводу случающихся с ними всевозможных неувязок и осложнений.

Владивостокский театр располагает яркими актерскими индивидуальностями, способными на воплощение труднейших пьес. Среди них — актриса С. Зима, одинаково успешно воплощающая и драматические (Екатерина

Васильевна — «Другая»), и характерные, бытовые (Анна — «Рельсы гудят»), и звонко-комедийные (Надя — «Больше не уходи») роли. С истинной страстью исполнил роль Ивана Грозного Н. Михеев, мастерством перевоплощения отмечены работы Е. Шальникова. Ряд центральных ролей исполнил совсем еще молодой актер В. Пинчук. Это и Василий в «Рельсы гудят», и Устименко в «Я отвечаю за все» (режиссер В. Аронов), и Сергей в «Больше не уходи», и Глеб Николаевич в «Другой». В его ролях ощущаешь большую самоотдачу, покоряющую увлеченность, истинный темперамент. Быть может, у этого исполнителя есть некоторые эмоциональные перебои, но насколько все-таки это дороже и ценнее вялости и рассудочности, свойственных иным нашим молодым актерам, полагающим, что они утверждают современный стиль.

Вера художника — это страстная убежденность в правильности выбора темы, необходимой и важной сегодня. Такое качество есть у Владивостокского театра, и, надо надеяться, оно позволит коллективу решать большие творческие задачи в сценическом воплощении кардинальных проблем современности.

Н. ГРОМОВ.